

"Неформалы" в российской экономике¹

Над темой номера работали

Владимир
ГИМПЕЛЬСОН²

Анна
ЗУДИНА³

Неформальная экономика и неформальная занятость: два подхода к определению

За 40 лет активного изучения явления, которое мы сегодня называем «неформальной» экономикой, исследователи не пришли к консенсусу ни в определениях, ни в характеристиках его природы. И хотя перечисление видов деятельности, осуществляемых вне формальных институциональных рамок (мелкая торговля, оказание услуг частным образом, примитивное сельское хозяйство и т.п.), или особенностей такой деятельности (отсутствие трудовых договоров и социальной защиты, неуплата налогов и взносов в социальные фонды и т.п.) не вызывает особых сложностей, подобные списки, как правило, не получают исчерпывающими. Они лишь подчеркивают неоднородность обсуждаемого явления, которое плохо укладывается под любую возводимую над ним терминологическую «крышу». Исследователи, пожалуй, едины в одном: они не включают в неформальную экономику криминальную деятельность (незаконную торговлю оружием и наркотиками, проституцию, рэкет), которая обычно рассматривается отдельно.

Существует множество определений неформального сектора и неформальной занятости, строящихся на разных концептуальных основаниях и плохо сочетающихся друг с другом. Авторы, использующие данные термины, могут обозначать ими разные виды деятельности, в результате чего получаемые статистические оценки зачастую слабо сопоставимы. Эмпирические исследования также разнородны, очень часто основаны на описательно-повествовательной информации, либо используют статистические данные невысокого качества. Всё это затрудняет обобщение и строгое сопоставление полученных результатов.

В то же время можно говорить о том, что большинство предлагаемых определений укладываются в два основных подхода – *производственный* и *легалистский*.

Производственный подход. Британский социолог и антрополог К. Харт, впервые употребивший термин «неформальный сектор», понимал под ним примитивную и разнообразную самозанятость, типичную для обитателей городских трущоб в развивающихся странах. Представители исследованных им рынков труда являлись городскими бедняками, вчерашними мигрантами из сел, неквалифицированными работниками, находящими в низкопроизводительной самозанятости основной (а часто единственный) источник средств к существованию⁴. Самозанятость для них служила единственной альтернативой полной безработице, поскольку формальный рынок труда им ничего не мог предложить, а системы помощи безработным в этих странах не существует. Харт указывал на неоднородность рабочих мест, с точки зрения их характеристик, а также на концентрацию неформальных мест занятости в отдельном сегменте рынка труда, где формальное регулирование либо отсутствует, либо действует со значительными изъятиями.

Подход Харта был подхвачен многочисленными исследователями и, что особенно важно, был принят на вооружение международными экономическими организациями (МОТ, ВБ, ОЭСР). Они не только начали использовать эту концепцию в разнообразных политических инициативах,

связанных с борьбой с бедностью в развивающихся странах, но и разработали подходы к статистическому измерению неформальности, приспособивая их к действующей статистической практике.

В развитие этой парадигмы 15-я Международная конференция статистиков труда в 1993 г. определила неформальный сектор как «совокупность единиц, занятых производством товаров и услуг с основной целью обеспечить работу и доход для тех, кто связан с этими единицами. Эти единицы характеризуются низким уровнем организации, низкой капиталоемкостью и небольшими размерами. Трудовые отношения – если они существуют – базируются преимущественно на привлечении случайных работников, родственных и личных связях, а не на договорных началах, дающих формальные гарантии»⁵. МОТ закрепила данное определение в своей резолюции об измерении занятости в неформальном секторе в 2000 г., указав на то, что предприятия неформального сектора представляют собой частные неинкорпорированные предприятия, владельцами которых являются индивиды или домашние хозяйства, не имеющие статуса юридического лица, и не разделяющие собственные финансовые ресурсы и финансовые ресурсы микропредприятий.

Поскольку такой подход связан с характеристиками предприятий и рабочих мест, то впоследствии он стал называться *производственным (productivity-based)*⁶.

Производственный подход предполагает, что неформальный сектор жестко отделен от формального, в него попадают вынужденно; работа в нем чаще всего - малооплачиваемая и социально-незащищенная; иногда её считают де-факто превращенной формой безработицы (особенно при отсутствии пособий или их небольшом размере); труд технологически примитивен, а сами работники, как правило, не имеют ни образования, ни квалификации. Доходы неформалов заметно уступают доходам тех, кто трудится в формальном секторе, а налоги, как правило, не уплачиваются. Среди неформальных работников много мигрантов из села, которые переехали в города в поисках лучшей жизни и застряли среди городских низов. Они стоят в очереди на вход в формальный сектор, который, однако, по разным причинам не создает достаточного числа рабочих мест. Другими словами, неформальный сектор представляет собой устойчивый сегмент «плохих» рабочих мест в отличие от формального, где предположительно сосредоточены «хорошие» рабочие места, но доступные не всем.

Первая «ревизия» этой системы представлений была предложена в одной из работ Г. Филдса, в которой неформальный сектор рассматривается как внутренне неоднородный и двухуровневый (two-tiered)⁷. «Высококачественный сегмент» неформального сектора (upper-tier jobs) зачастую представлен самозанятыми работниками, которые вполне осознанно и добровольно стремятся войти в него, так как такой тип занятости для них сопряжен с получением вполне определенных выгод различного характера – к примеру, возможности самостоятельно регулировать рабочий ритм. Доступ сюда ограничен. «Низкокачественные» рабочие места, в свою очередь, заполняются по остаточному принципу теми, кто не смог попасть ни в сегмент формальной занятости, ни в «высококачественный» сегмент неформальной занятости.

Дальнейшее переосмысление природы неформальности связано с исследованиями У. Мэлони (W. Maloney) и его коллег. Опираясь на целый ряд эмпирических исследований, проведенных в Латинской Америке, он оспаривает тезисы, лежащие в основе традиционного подхода. Неформальные рабочие места не обязательно являются худшими по качеству, работники могут перемещаться на них добровольно, межсекторная разница в заработной плате незначительна, жесткие перегородки отсутствуют, а в целом этот сектор, скорее, напоминает микропредпринимательский сектор развитых стран⁸. Соответственно, самозанятые работники и владельцы малых фирм вовсе не стремятся в формальный сектор, их вполне устраивает текущий статус занятости. Даже законодательная защита рабочих мест в формальном секторе не является достаточным стимулом для перехода в него, так как работники могут относительно выше ценить иные характеристики, как например, независимость и рост заработка⁹. Принадлежность работников к неформальному сектору, таким образом, свидетельствует лишь о том, что с учетом своих индивидуальных характеристик они не обязательно смогли бы добиться аналогичного уровня благосостояния в формальном секторе.

Накопление эмпирического материала о характеристиках неформальных рабочих мест показало, что простая дихотомическая классификация по принципу «формальное-неформальное» чрезмерно упрощает ситуацию. Скорее, речь должна идти о континууме рабочих мест, внутри которого соотношение формального и неформального может меняться и включать разные наборы характеристик. В этом случае традиционное производственное определение перестает «работать». Есть и другие аргументы в пользу его уточнения. Согласно производственному определению, неформальность коррелирует с размером предприятия (бизнеса). Получается, что увеличение удельного веса микропредприятий в экономике автоматически раздувает неформальный сектор вне зависимости от того, зарегистрированы ли эти предприятия, платят ли они налоги и т.п.

Легалистский подход. Альтернативный подход, получивший название легалистского или правового (legalistic), в ряде случаев может оказаться более предпочтительным.¹⁰ В его рамках неформальная занятость определяется с точки зрения того, в какой мере фирмы или индивидуумы следуют установленным формальным правилам и законодательным нормам¹¹. Другими словами, классификация рабочих мест (на формальные или неформальные) зависит от степени их подчинения действующему режиму регулирования¹². Здесь мы можем говорить о непрерывном континууме состояний, ограниченных полной формальностью с одной стороны, и полной неформальностью, с другой. Легалистское определение, однако, ставит свои вопросы, на которые не всегда есть ответы. Например, работники могут оказаться формальными в одной области регулирования, но при этом неформальными в другой. Они могут платить социальные взносы в систему социального обеспечения, но не пользоваться социальными гарантиями защиты занятости. Либо и участие в системе социального обеспечения, и доступ к её плодам могут быть урезанными (как, например, в малом бизнесе) по сравнению с тем, что характеризует полностью формальных работников крупных компаний. По-видимому, для точной идентификации степени неформальности работника внутри формальных предприятий необходима комплексная картина его трудовой деятельности, но это порождает серьезные измерительные проблемы, поскольку многие аспекты регулирования и правоприменения остаются невидимыми для исследователя (а зачастую и для самого работника).

Понятно, что неформальные – по легалистскому определению - рабочие места могут быть и на зарегистрированных предприятиях, если те не полностью соблюдают действующие правила по отношению к своим работникам.¹³ С другой стороны, рабочие места на микропредприятиях, полностью соблюдающих требования со стороны законодательства и регулятора, кажутся вполне формальными. В этом случае основная проблема неформальности заключается не столько в существовании межсекторных барьеров, сегментирующих рынок труда, сколько в слабости механизмов инфорсменты, не способных обеспечить равное и полное соблюдение режима регулирования по отношению ко всем работникам даже внутри корпоративного сектора.

Где распространена неформальная занятость?

Изначально исследования неформальности на рынке труда были ограничены развивающимися странами (поскольку неформальный сектор считался атрибутом недоразвитости). Применительно к развитым странам речь шла преимущественно о периферийных рабочих местах, вторичном рынке труда и т.п., однако впоследствии было признано, что и в этих странах существуют многие виды занятости, которые можно считать неформальными¹⁴. Для определения границ неформальности в развитых странах применялись различные критерии и их комбинации: экономические (отсутствие регистрации трудовой деятельности, уклонение от уплаты налогов, размер предприятия и др.), политические (недостаточное государственное регулирование), статистические (систематические искажения в измерении валового национального продукта), социальные (автономия или гибкость занятости, отсутствие доступа к системе социальной защиты, профессиональный статус)¹⁵.

Общепризнанно, что неформальность относительно широко распространена в Средиземноморских странах Европы (Италии, Испании, Португалии, Греции, Кипре), где она часто имеет форму микропредпринимательства и самозанятости. Но и в тех странах Европы, которые максимально привержены закону, наблюдается её определенный рост. Он может иметь разное

происхождение и, в частности, быть связан с притоком мигрантов из развивающихся стран и их включением в слаборегулируемые сегменты рынка труда.

Дополнительный интерес к этой проблеме в развитых странах стимулируется быстрым распространением различных форм нестандартной (атипичной, неустойчивой, нестабильной) занятости¹⁶. В этом случае основной фокус сделан не на регулировании как таковом, а на смене доминирующей формы трудовых отношений, которая частично выводит наемный труд из-под действующего регулирования. Нестандартная занятость в этом случае ассоциируется с сокращенным объемом социальной защиты и упрощенным режимом контроля; в результате чего она оказывается неформальной (по крайней мере, частично) в соответствии с логикой легалистского определения.

Переходные экономики представляют собой весьма интересный объект для изучения различных аспектов неформальности на рынке труда. В этой группе стран она может иметь разное происхождение. Во-первых, неформальность может возникать вследствие разрыва между усилением регулирования деятельности корпоративного сектора и ограниченным институциональным потенциалом правоприменителей (регуляторов и контролеров) обеспечивать соблюдение принятых правил. Хорошо известными примерами такой неформальности в России являются задержки заработной платы, широко распространенные в 90-е годы¹⁷, подмена трудовых договоров гражданско-правовыми договорами, наём работников на основе лишь устной договоренности¹⁸. В этом случае мы имеем дело с деформализацией трудовых отношений внутри формального сектора. Во-вторых, неформальность в форме простейшей самозанятости может существовать как своеобразная альтернатива безработице тогда, когда формальная система социальной защиты слаба или вовсе отсутствует¹⁹. Такая вынужденная неформальная самозанятость составляет «нижний слой» (lower tier), если использовать терминологию Г. Филдса²⁰. Её специфическим проявлением является околodomашнее производство сельскохозяйственной продукции для реализации, широко распространенное в странах СНГ²¹. В-третьих, в условиях достаточно агрессивной институциональной среды (отличающейся избыточным и неэффективным регулированием, массовой коррупцией и т.п.), что свойственно многим странам с переходной экономикой, индивидуальное предпринимательство является в значительной мере неформальным и предпочитает не регистрироваться в качестве юридического лица²². Это верхний слой (upper tier), по определению Филдса, попадание в который является добровольным выбором²³. Но такие предприниматели могут нанимать наемных работников, которые в свою очередь автоматически оказываются неформальными и этот выбор уже оказывается вынужденным. Занятые по найму у индивидуальных предпринимателей составляют четвертый источник. Наконец, в-пятых, растущий платежеспособный спрос домохозяйств на различные бытовые услуги стимулирует неформальное предложение таких услуг как в силу недоразвитости формального сектора, так и в силу перечисленных выше институциональных обстоятельств.

Названные пять источников неформальности во многом определяют её структуру. С. Бернабе замечает, что в более благополучных странах Центральной и Восточной Европы она проявляется скорее как способ ухода от высоких налогов и жесткого регулирования. В менее экономически успешных странах Восточной Европы и СНГ неформальный сектор часто является последним возможным работодателем для тех, кто потерял работу в формальном секторе и по тем или иным причинам не может положиться на систему помощи безработным²⁴. В переходных экономиках доля самозанятых в среднем оказывается меньше, чем в развивающихся странах, а занятость по найму может быть, наоборот, более распространенной. На примере Украины Х. Леманн и Н. Пиньятти отмечают относительно небольшой масштаб самозанятости при значительном и растущем сегменте неформальной занятости по найму, а также признаки сегментации на рынке труда²⁵. При этом они не находят свидетельств массовой «миграции» работников между статусами (формальный - неформальный) при переходе от одной стадии трудовой карьеры к другой. Сверяя итоги своего исследования с основными теоретическими подходами, предложенными в литературе, они заключают, что каждая из трех основных исследовательских парадигм (традиционная и две «ревизионистские») получает частичное подтверждение, как минимум, в одном из сегментов неформальной занятости. Есть основания полагать, что эти выводы применимы и в России.

Отдельного изучения заслуживает динамика и структура неформальной занятости в России в 2000-е годы. Трансформация 1990-х годов сопровождалась ростом всех её основных составляющих: незарегистрированной занятости на формальных предприятиях, занятости по найму у частных лиц, разных форм самозанятости²⁶. По оценкам Росстата, в 2009 году свыше 12 млн. человек или около 18% всех занятых относились к «неформалам», что в абсолютных цифрах превышает полную численность населения многих европейских государств [ОНПЗ, 2009]. При этом на протяжении 2000-х годов число таких работников в России постоянно росло, положительно реагируя на рост ВВП. Этот сегмент российской экономики, по-видимому, отличается не только значительным масштабом, но и специфическими социально-структурными параметрами²⁷. Однако он остается малоизученным.

Откуда берутся данные для оценки неформальной занятости?

Эмпирическая часть нашей работы строится на данных Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ) за 1999-2009 годы. ОНПЗ представляет собой ежеквартальное (а с сентября 2009 года - ежемесячное) выборочное обследование домохозяйств, проводимое во всех субъектах Российской Федерации в соответствии с методологией МОТ. Его годовая выборка составляла около 270 тысяч человек при ежеквартальном сборе данных (с 1999 по середину 2009 года). С переходом к ежемесячному сбору данных в сентябре 2009 года объем годовой выборки увеличился в три раза до примерно 800 тысяч чел, что составляет около 0,75% от численности населения в возрасте экономической активности (15-72 лет).

Опора на данные этого обследования делает нас зависимыми от принятого Росстатом производственного определения, связывающего (не)формальность с характеристиками рабочих мест. Согласно ему, неформальный сектор определяется как «совокупность производственных единиц, составляющих часть сектора домашних хозяйств, или некорпоративных предприятий, принадлежащих домашним хозяйствам, которые осуществляют производство товаров и услуг для реализации на рынке и не являются самостоятельными юридическими единицами, созданными отдельно от домашнего хозяйства или его членов, которым они принадлежат»²⁸. Основным критерием выделения единиц неформального сектора здесь является отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица²⁹. Важно подчеркнуть, что рамки описываемого сектора ограничиваются рыночной деятельностью домашних хозяйств, то есть производство продукции и услуг для собственных потребительских нужд исключается из понятия неформальности.

Выбор анализируемого периода (1999-2009) связан с тем, что в это время изменения в методологии ОНПЗ, включая построение выборки и периодичность обследования, были минимальными. К тому же он охватывает как этап экономического роста, так и кризис 2008-09 гг., что позволяет наблюдать реакцию на разнонаправленные шоки.

В рамках ОНПЗ можно выделить следующие группы *неформально занятых* работников:

1. занятые по найму у физических лиц, индивидуальных предпринимателей;
2. предприниматели без образования юридического лица;
3. занятые на индивидуальной основе (самозанятые);
4. занятые в домашнем хозяйстве по производству продукции, предназначенной для реализации;
5. занятые в фермерском хозяйстве в случаях либо если регистрация или оформление документов отсутствует, либо с регистрацией в качестве индивидуального предпринимателя;
6. занятые на предприятиях и в организациях формального сектора без оформления трудового контракта.

Группы (а) и (f) включают занятых по найму, а остальные (b) - (e) представляют различные типы самозанятых. В показателе *занятости в неформальном секторе* по методологии ОНПЗ учитываются категории (a) – (e), работающие вне корпоративного сектора.

Занятые на предприятиях формального сектора без соответствующего оформления (группа (f)) во все годы наблюдения составляли не более 1,5% от всех неформально занятых, «схватываемых» обследованием. По методологии ОНПЗ, опирающейся на производственное определение неформальности, данная группа не участвует в формировании показателя *занятости в неформальном секторе*, который рассматривался в данной работе. Мы её не включаем в наши расчеты, считая, что в силу своей малочисленности она слабо влияет на конечные показатели.

В наших расчетах учитывалась только занятость по основному месту работы, что, по-видимому, может занижать общий объем неформального труда в российской экономике.

Практически все неформально занятые по производственному определению, по-видимому, оказываются неформальными и по легалистскому. Основанием для такого вывода является то, что занятые на «не-предприятиях» либо не имеют никакого оформления, либо, если такое оформление и имеет место, то оно носит упрощенный характер и выводит работников из-под основного массива регулирующих норм. Другое дело, что здесь возможна существенная недооценка общего масштаба неформальности как за счет недооценки работающих на формальных предприятиях без контракта³⁰, так и тех, чей контракт не соблюдается из-за неполного инфорсmenta³¹. Однако более полный учет этих категорий требует не только альтернативного определения, но и альтернативных данных.

Неформальная занятость в 1999-2009 годах: верхняя и нижняя оценки

На фоне быстрого роста ВВП, который почти удвоился в 1999-2008 годах, общая (среднегодовая и среднесписочная) численность занятых в российской экономике выросла с 64,1 до 68,5 млн. человек или всего на 6,9%³². В 2009 году из-за кризиса ВВП сократился на 7,9%, а общая занятость – лишь на 2,2%.

Какова же была реакция неформального сектора (и неформальной занятости) на бурный докризисный экономический рост и резкое кризисное падение? Естественно предположить, что на этапе роста размер этого сектора сокращался. Есть, как минимум, два основания для выдвижения такой гипотезы. Во-первых, рост экономики должен был стимулировать спрос на труд и, прежде всего, там, где производился основной ВВП, то есть в формальном секторе. Формальные предприятия всё чаще и всё громче жаловались на «дефицит» рабочей силы и могли ускоренно абсорбировать часть неформальной рабочей силы. Во-вторых, борьба государства за «формализацию и жизнь по правилам», провозглашенная в эти годы, могла привести к сужению сферы неформального через повышение эффективности регулирования и более полного инфорсmenta правил³³. Также естественно ожидать, что в ходе кризиса степень неформальности могла возрасти, поскольку сокращение производства выталкивало работников из формального сектора, а неформальный, учитывая слабую систему поддержки безработных, мог стать для них естественным убежищем, сохраняя занятость.

Что же нам говорят по этому поводу доступные статистические данные? Они не подтверждают высказанные выше гипотезы о движении к большей формализации в годы роста и об обратном тренде в условиях кризиса.

Мы можем предложить два основных статистических подхода к измерению масштаба неформального сектора и его динамики на макроуровне.

Первый подход – назовем его «остаточным» - основан на простом вычитании из (1) численности всех занятых в экономике (2) численности всех занятых в корпоративном секторе. Обе оценки численности публикуются Росстатом и получены с помощью признанной и достаточно прозрачной методологии. Их разность (1) – (2) дает нам оценку численности занятых вне корпоративного сектора и тем самым представляет верхнюю границу занятости в неформальном секторе (в его производственном определении).

Все российские предприятия и организации (со статусом юридического лица), то есть основные производители ВВП, за 1999-2008 годы, сократили численность занятых примерно с 51-52 до 49,4

млн чел (на 3%) (рис. 1). Поэтому искомая разность составляла (в 2008 году) около 19 млн человек и увеличилась за рассматриваемый период на 7-8 млн, или на 14%. В итоге к началу кризиса к этому «остатку» относились около 28% всех занятых. В 2009 году общая занятость сократилась примерно на 2% (непропорционально меньше, чем ВВП) и составила 67,3 млн человек, а занятость в организациях – почти на 4% (47,4 млн). Искомая разность возросла до 19,9 млн человек и приблизилась к 30%. Таким образом, период роста сопровождался деформализацией занятости, которая в кризис лишь усилилась³⁴.

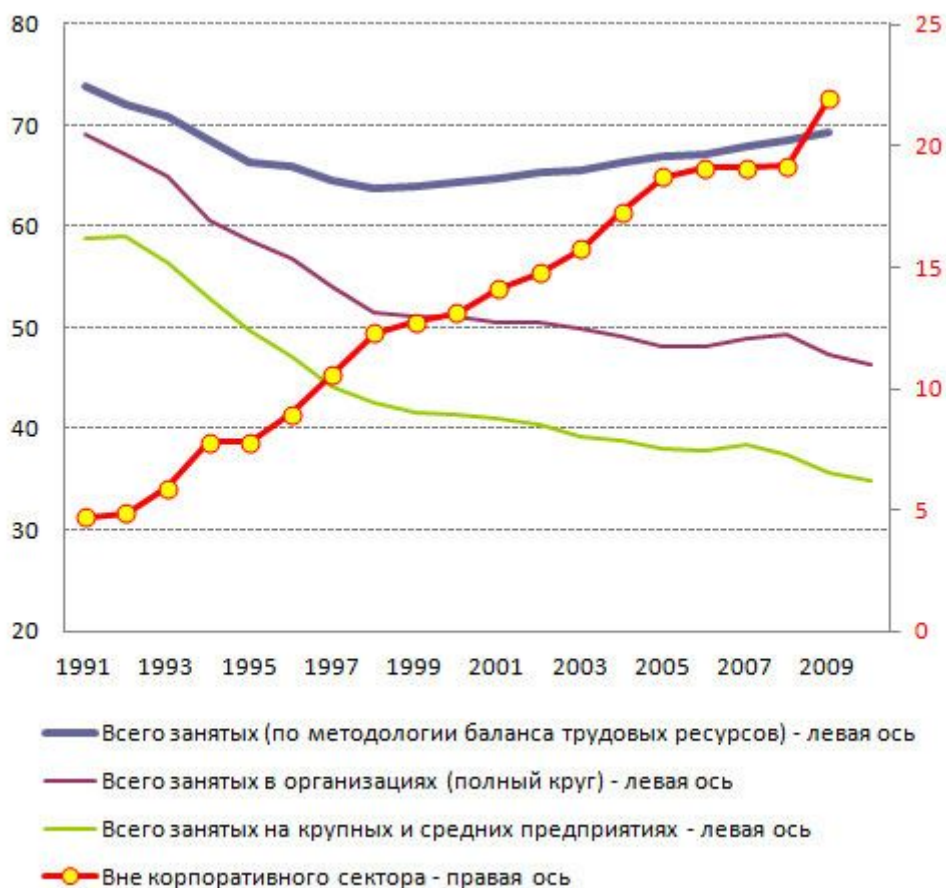

Рисунок 1. Число занятых вне корпоративного сектора российской экономики, Россия, млн. человек

Источник: Росстат

Второй подход, основанный на использовании данных ОНПЗ, дает прямые оценки числа занятых в неформальном секторе. Они несколько ниже, но также свидетельствуют об активном перетоке работников из регулируемого государством и социально защищенного (хотя бы на бумаге) сектора в неформальный.

Рис. 2 показывает изменения в величине и структуре занятости в неформальном секторе в соответствии с определением и алгоритмом, используемыми Росстатом. В 1999 году число занятых в неформальном секторе на основной работе, усредненное по итогам четырех кварталов, составляло около 8 миллионов человек. На протяжении последующего десятилетия оно демонстрировало тенденцию к росту и в 2009 г. составляло около 12 млн. человек. В структуре всех занятых в российской экономике (по методологии ОНПЗ) оно увеличилось за этот период с 13% до 17-18% (рис. 3). Эта тенденция проявлялась, как уже отмечалось, на фоне быстрого роста ВВП и на фоне абсолютного и относительного сокращения занятости в формальном секторе.

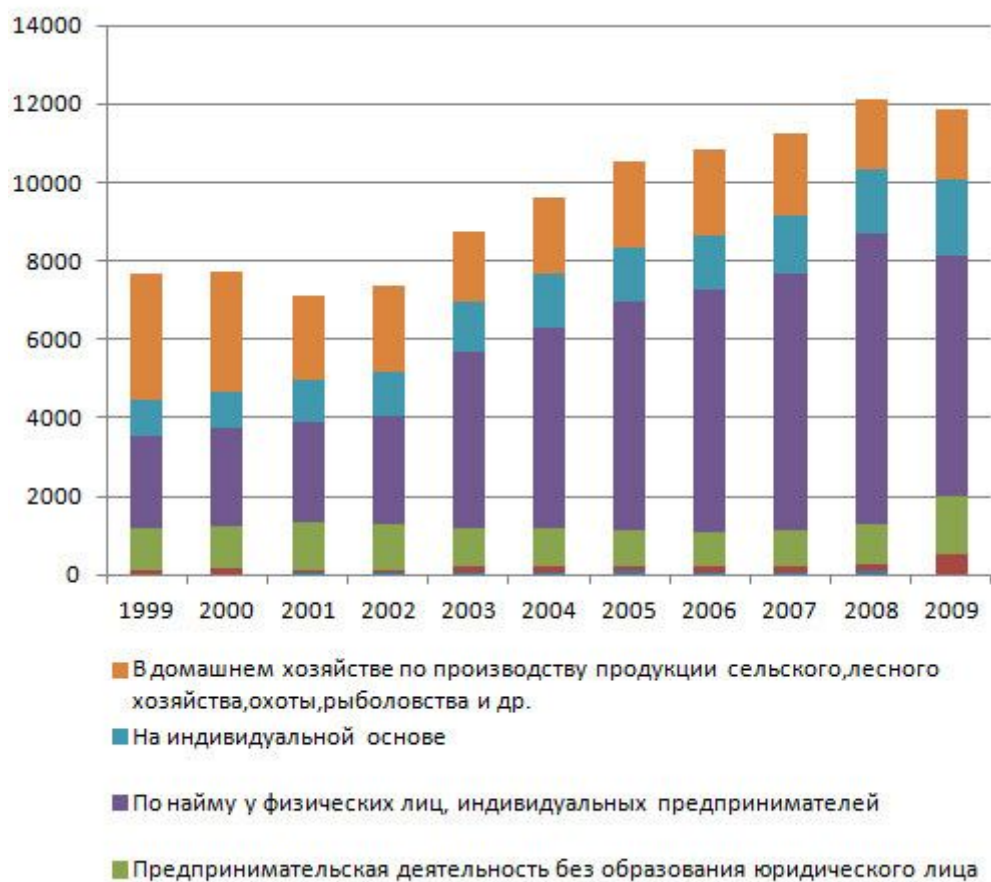

Рисунок 2. Динамика и структура занятости в неформальном секторе на основной работе по видам деятельности, Россия, тысяч человек

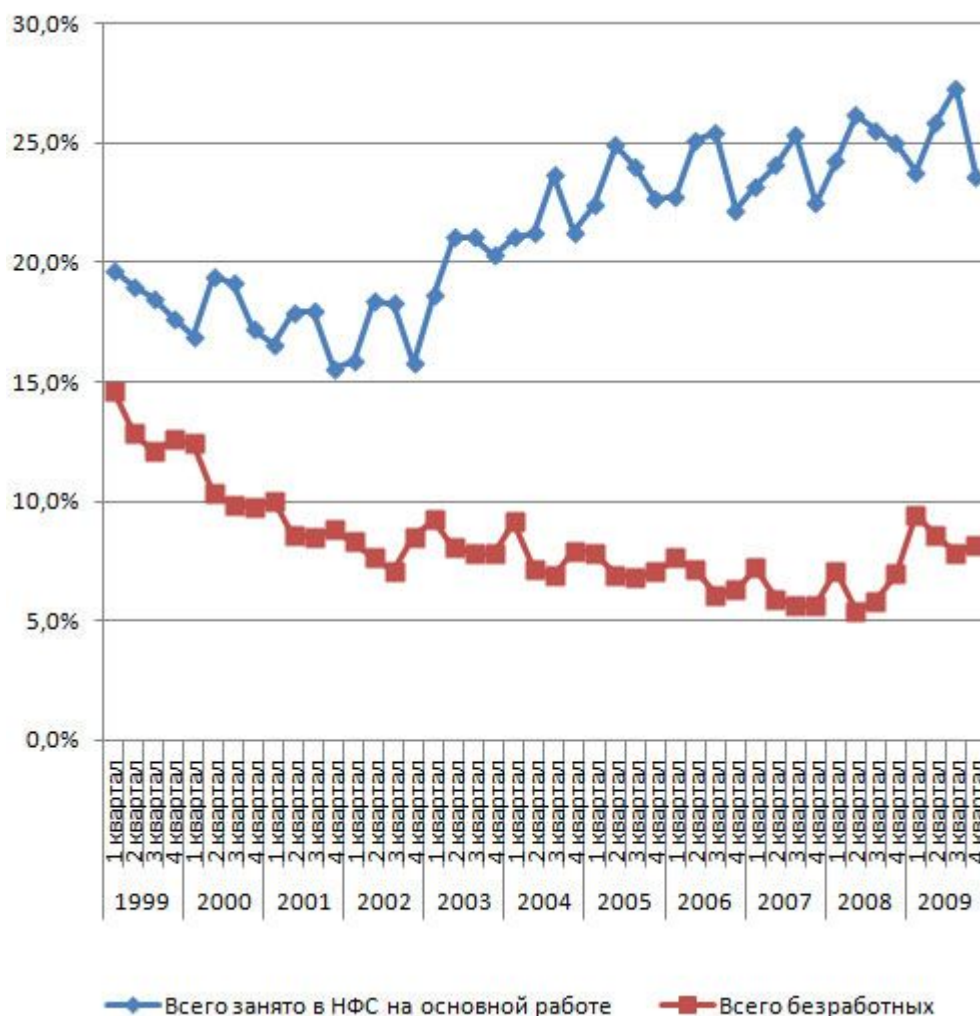

Рисунок 3. Занятость в неформальном секторе и безработица, % экономически активного населения (квартальные данные)

Почему используемые подходы дают такие расхождения в оценках? Потому что они используют разные методологии. В первом случае это статистика предприятий и расчет так называемой среднегодовой среднесписочной численности. Работники организаций и предприятий, не включаемые в списочную численность (например, занятые по гражданско-правовым договорам или по совместительству), могут попадать в «остаточный» неформальный сектор. Это не противоречит легалистскому определению неформальности, хотя может отклоняться от «чисто» производственного. К сожалению, в рамках данного подхода дезагрегация полученных результатов по социально-демографическим группам затруднена.

Во втором случае наша оценка основана на опросах населения в рамках ОНПЗ. Опросы дают более высокую общую занятость (поскольку лучше схватывают различные пограничные группы) и более низкую численность в неформальном секторе (поскольку люди зачастую самоидентифицируют себя с «организациями», даже если те являются незарегистрированными, то есть неформальными, группами)³⁵. В итоге, доля неформалов в общей численности оказывается ниже, чем в первом случае.

Можно считать, что оценки на основе ОНПЗ обозначают нижнюю границу занятости в неформальном секторе. Всё дальнейшее обсуждение будет опираться на ОНПЗ, поскольку именно оно позволяет проводить дифференцированные расчеты по отдельным группам населения.

На рис. 3 представлена динамика квартальных показателей безработицы и занятости в неформальном секторе, рассчитанных по отношению к экономически активному населению. Оба показателя отличаются сильной сезонностью, однако по отношению друг к другу их значения меняются контрциклически. В сезонных колебаниях летние месяцы (2 и 3 кварталы) противопоставляются зимним (4 и 1 кварталы). Снижение безработицы летом в среднем на 1-1,5 п.п. (по сравнению с зимним периодом) сопровождается ростом неформальной занятости на 3-4 п.п., и наоборот. Занятость в сельскохозяйственном секторе, имеющая ярко выраженный сезонный характер, по-видимому, весной притягивает к себе не только безработных, но и экономически неактивных граждан. Завершение же сезонного цикла сельскохозяйственных и строительных работ в домохозяйствах сопровождается обратным перемещением таких «домашних производителей» в безработицу или неактивность.

Преобладание занятых по найму внутри неформального сектора все более очевидно

Теперь обратимся к внутреннему наполнению занятости в неформальном секторе. Рис. 2 показывает, как менялись по абсолютной величине основные её составляющие на протяжении всего обсуждаемого периода, а на рис. 4 видно соотношение занятых по найму и не по найму на основной работе в общем числе занятых в неформальном секторе.

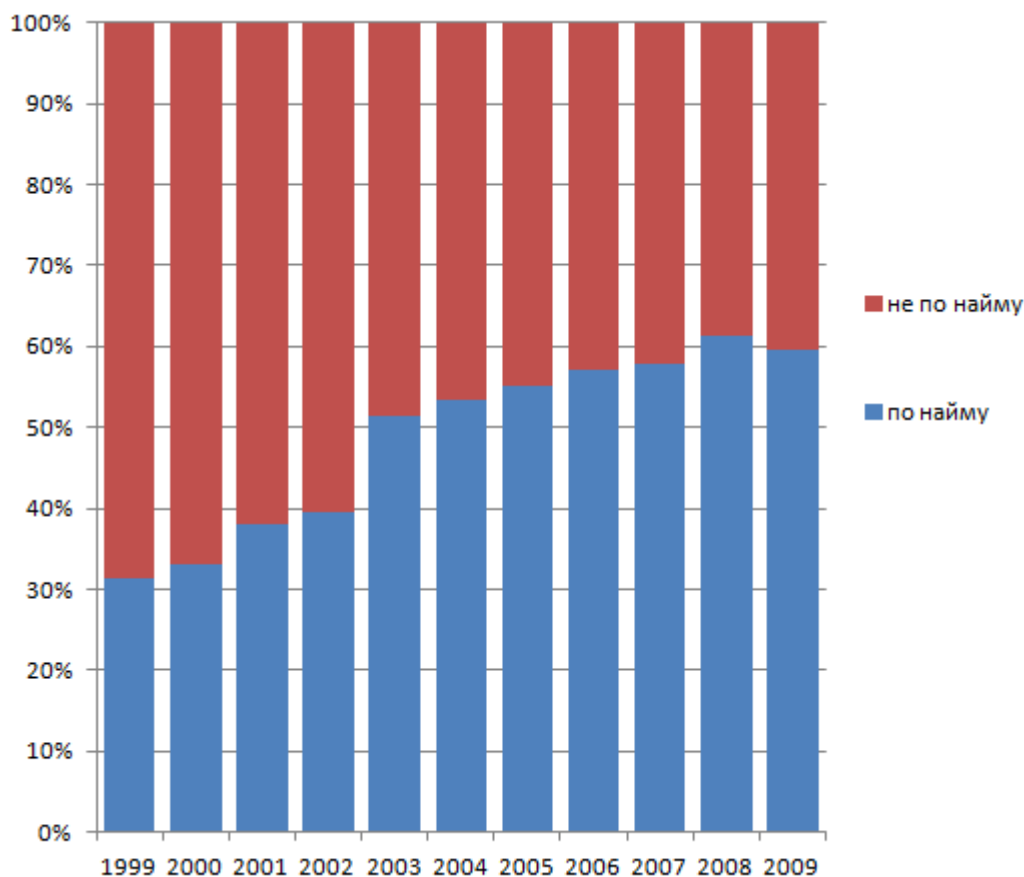

Рисунок 4. Структура занятости в НФС на основной работе: работа по найму и не по найму, 1999-2009, %

Основная тенденция кажется очевидной: это быстрый рост числа занятых по найму у физических лиц и у индивидуальных предпринимателей, который во многом определял общую динамику. Если в 1999 году эта категория насчитывала менее 2,5 млн человек, то в 2004 году – около 5 млн, а в 2008 – около 7,5 млн человек. Другими словами, за 4 года она увеличивалась примерно на 2,5

млн. человек. В качестве меры масштаба отметим, что в таком большом секторе как образование у нас всего занято менее 6 млн. человек!

Экономический кризис, подорвавший спрос на труд в экономике, несколько надломил эту тенденцию. Индивидуальные предприниматели и домохозяйства стали сокращать наём работников и в 2009 году число наемных работников неформального сектора снизилось (в среднегодовом исчислении более, чем на 1 млн. человек³⁶). Насколько устойчивым будет этот новый тренд, покажет время.

Вторая по значимости тенденция связана с сокращением числа занятых в домашнем производстве с 3,2 млн человек в 1999 году до примерно 2 млн к 2001 году и последующей стабилизацией на этом уровне. На фоне значительного увеличения сегмента неформального наемного труда его доля в общей численности неформально занятых на основной работе снизилась с 40% до 15%. В 2009-2010 годах отмечено некоторое снижение абсолютной численности этой категории, но с чем оно связано и насколько устойчиво, пока также трудно сказать.

Некоторый последовательный рост (с 1 млн до 1,6 млн человек) демонстрировало число занятых индивидуально, то есть самозанятых. При этом число индивидуальных предпринимателей (без образования юридического лица) до 2008 года оставалась практически неизменной и колебалась около 1 млн. человек. В 2009 году обе протопредпринимательские группы показали заметный рост, а в 2010, по-видимому, возвратились к своим прежним значениям. Это касается в первую очередь индивидуальных предпринимателей.

Численности двух других составляющих неформальной занятости (фермеры и работники предприятий) на протяжении всего периода были примерно стабильными и небольшими по абсолютной величине.

Предприниматели без образования юридического лица, т.е. владельцы микробизнесов или неинкорпорированных предприятий, в 1999 году составляли около 14% всех неформально занятых. Их доля в этом секторе несколько выросла к 2001-2002 годам, но затем снизилась до 8,5% в 2008 году. Доля «индивидуалов» (занятых на индивидуальной основе) на протяжении периода колебалась между 12 и 16%, оставаясь практически неизменной,

Если подытожить описанные выше изменения, то главное из них заключается в том, что преобладание занятых по найму внутри неформального сектора постепенно становится всё более очевидным (рис. 5). Их доля выросла с 30% в 1999 до более 60% в 2008 году, то есть они здесь стали количественно преобладать. Некоторое сокращение этой группы в ходе последнего кризиса не меняет вывода о том, что главная фигура в этом сегменте рынка труда – это наемный работник некорпоративного сектора, то есть занятый у индивидуальных предпринимателей или физических лиц. Это означает, что труд по найму частично перемещается в ту область, где не работают статьи трудового кодекса, защищающие права работников. Предпринимательская активность населения оказывается слабоэластичной по отношению к темпам экономического роста, а неформальный труд по найму – высокоэластичным. В этом может проявляться одно из отличий переходных экономик от экономик развивающихся стран, в которых неформальный сектор является преимущественно протопредпринимательским и где ключевыми фигурами являются самозанятые.

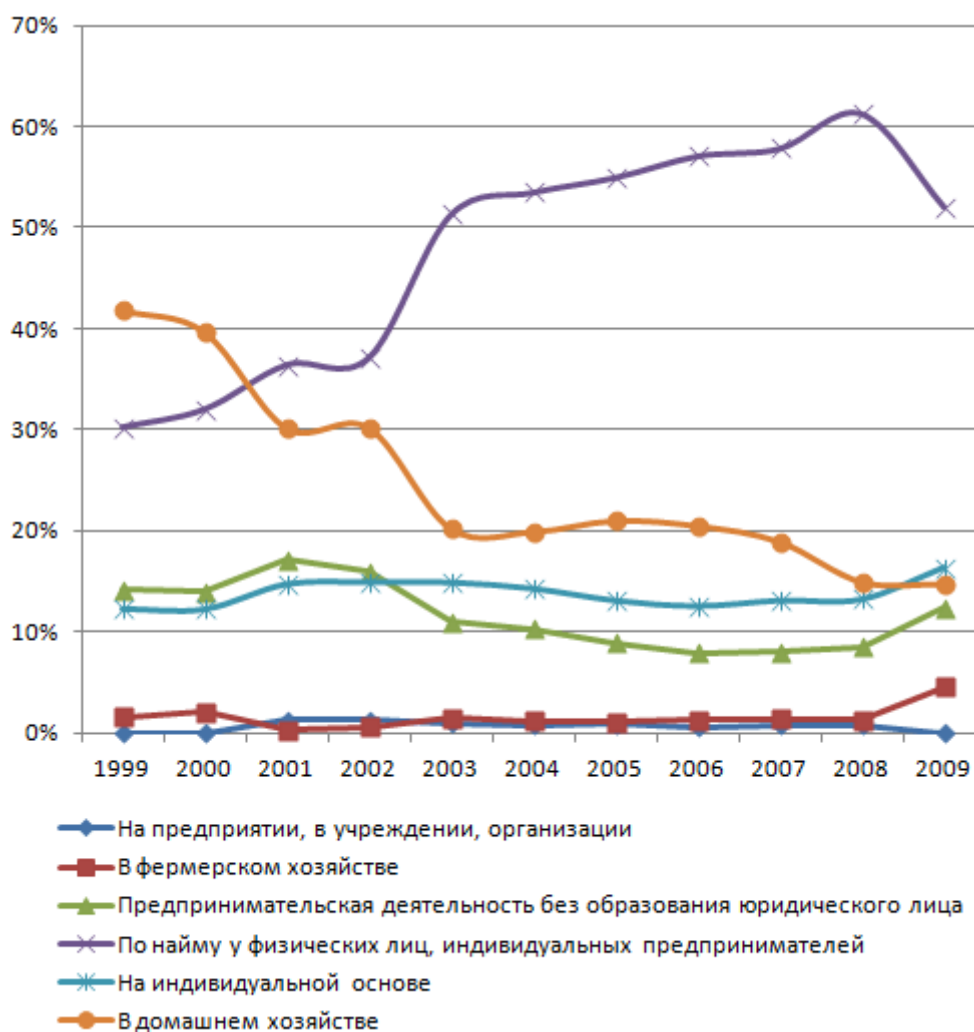

Рисунок 5. Структура занятости в неформальном секторе на основной работе по составляющим, Россия, 1999-2009, %

Портрет "неформала"

Уровни занятости в неформальном секторе (процент неформалов среди всех занятых) по различным социально-демографическим группам различаются, но везде росли примерно одинаковым темпом. Среди мужчин и женщин они очень близки, но в последние годы мужчины по этому показателю несколько вышли «вперед». Этот показатель среди сельского населения был гораздо выше, чем среди городского, что во многом определяется самим характером сельской экономики (рис. 6). Значительное снижение уровня сельской неформальности в 2001 году объясняется изменением методологии отнесения респондентов к неформальному сектору³⁷, но этот искусственный провал был полностью отыгран в течение нескольких последующих лет в результате естественного роста неформального сектора.

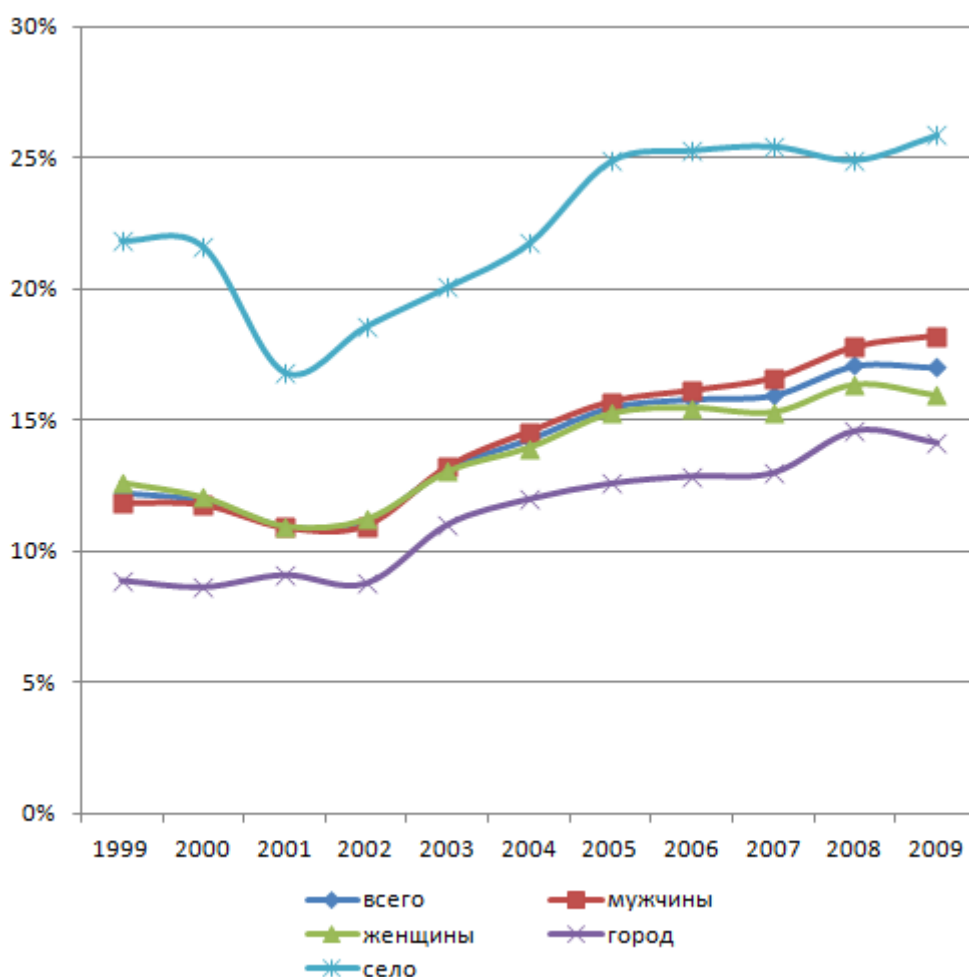

Рисунок 6. Занятость в неформальном секторе на основной работе, Россия, 1999-2009, % от всех занятых в экономике

Возраст. Максимальная вовлеченность характерна для самых младших и самых старших возрастных групп (рис. 7). Однако если старшие сокращали такую занятость (её уровень среди лиц в возрасте старше 60 лет снизился с 33% до 22%), то младшие, наоборот, увеличивали. Если в начале периода такая трудовая деятельность была в большей степени характерна для лиц пенсионного возраста, искавших здесь дополнительные доходы, то к его концу риск неформальности возрос прежде всего для молодежи. На протяжении последних пяти лет (по которым на графике есть данные) уровень занятости в неформальном секторе для молодых людей (в возрасте 15-19 лет) составлял около 40%, временами даже превышая эту черту. В возрастной группе 20-29 лет он также рос и достиг 20%.

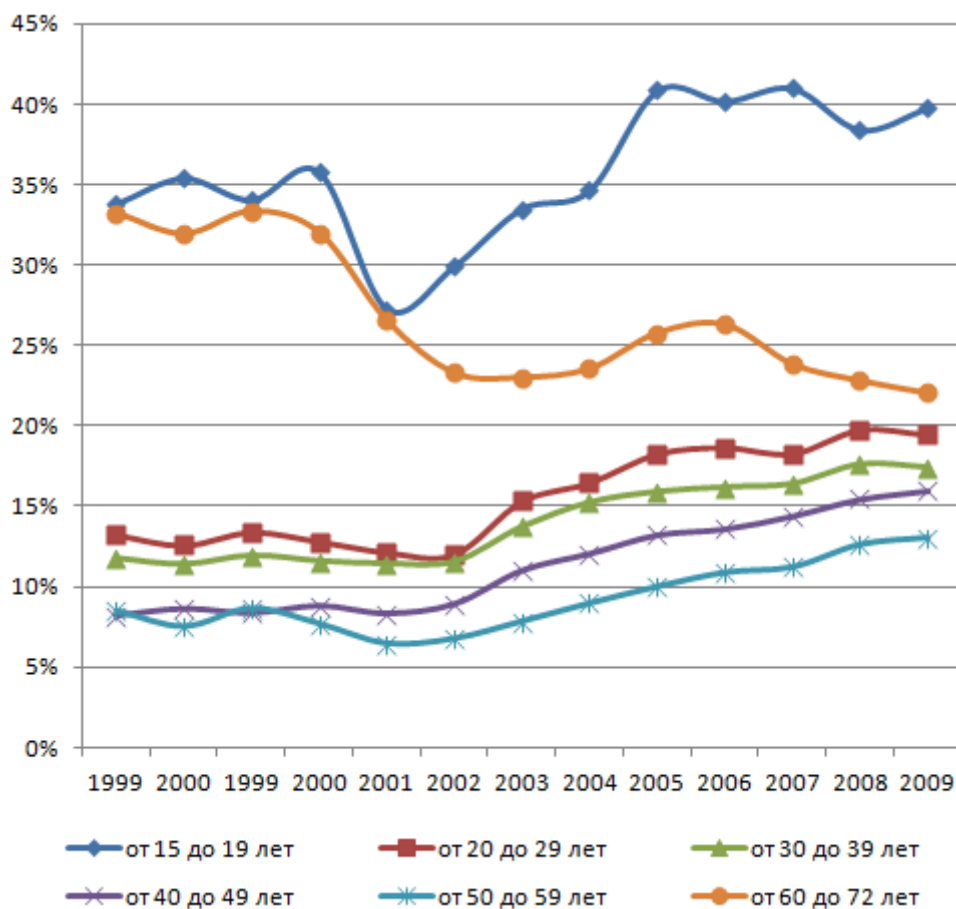

Рисунок 7. Уровень занятости в неформальном секторе на основной работе, Россия, 1999-2009, % от всех занятых в экономике по возрастным группам

Изменение повозрастных рисков еще не означает изменения возрастной структуры неформального сектора в целом, поскольку общие уровни занятости для разных возрастов различны и к тому же менялись во времени. Так, в самой младшей возрастной группе (15-19 лет) общий уровень занятости в целом был невелик (<15%); следовательно, и абсолютный масштаб занятости в неформальном секторе незначителен. Однако в следующей возрастной группе (20-29 лет) уровень занятости резко возрастает (с 55% в первом пятилетии до примерно 80% во втором), а потому даже меньшая доля неформалов уже дает значительные абсолютные показатели.

Для работников в основных рабочих возрастах (30-49 лет) уровень неформальности составляет 16-17%, и он увеличился примерно на 5 п.п. в течение 10 лет (рис. 8). В этих возрастных группах общий уровень занятости очень высокий (около 85%), что в итоге обеспечивает значительный вклад в общий пул неформальных работников. Уровень неформальности минимален в возрастной группе 50-59 лет, но сам уровень занятости этой группы в целом возрастал, увеличивая тем самым и её вклад в неформальность.

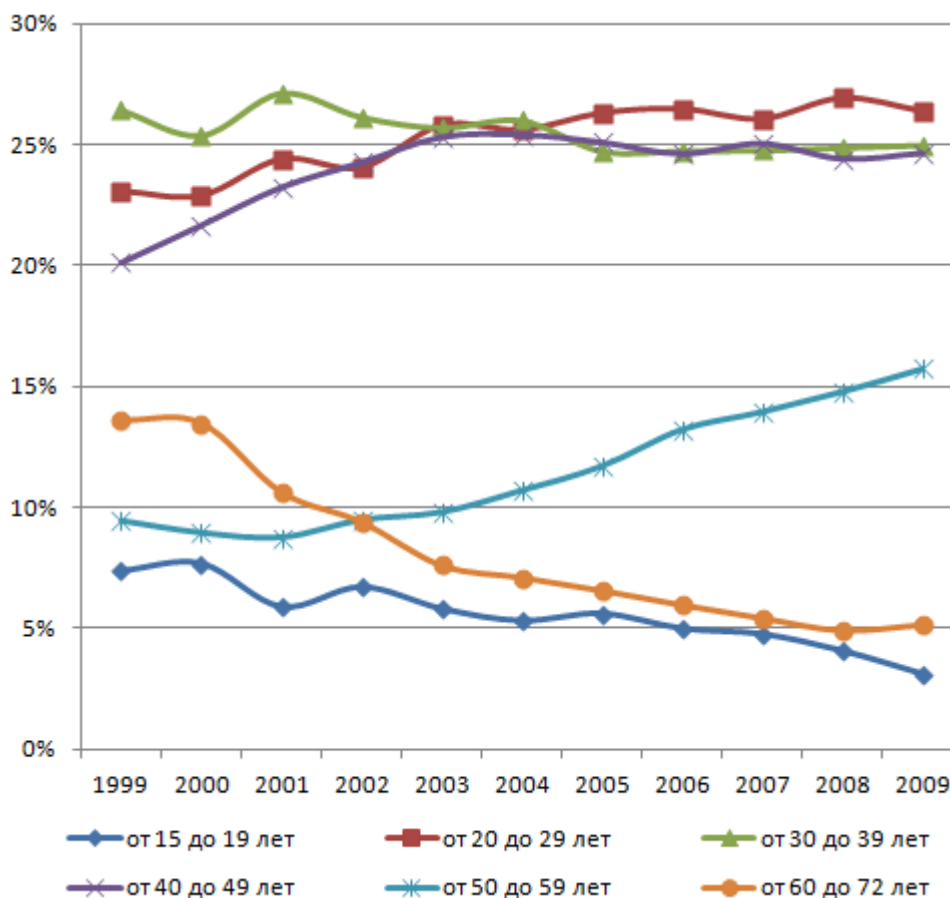

Рисунок 8. Структуры занятости в неформальном секторе на основной работе, Россия, 1999-2009, %, по возрастным группам

В целом же, больше половины всех неформальных работников находится в возрасте до 40 лет. Мы пока не можем с уверенностью говорить про омоложение неформального сектора, поскольку доля самых молодых на рынке труда в целом мала. Однако тенденция к возрастанию рисков неформальности для молодых работников кажется бесспорной. Являются ли эти риски функцией возраста (присущи определенной возрастной группе и затем с возрастом снижаются) или функцией определенной когорты (будут постоянно воспроизводиться с взрослением когорты)? Чтобы ответить на этот вопрос, нужны более длительные наблюдения.

Образование. Рост уровня образования снижает риск неформальности (рис. 9). Отсутствие диплома существенно повышает и вероятность попадания в неформальный сектор, и скорость увеличения такого риска со временем. Наоборот, наличие высшего или среднего профессионального образования значительно снижает как сам этот риск, так и скорость его увеличения. В 2009 году 8% всех занятых, имеющих высшее образование, и 14% со средним специальным были заняты в неформальном секторе. Что же касается начального профессионального образования, то каждый пятый его обладатель трудился неформально. Этот показатель почти удвоился за период менее 10 лет.

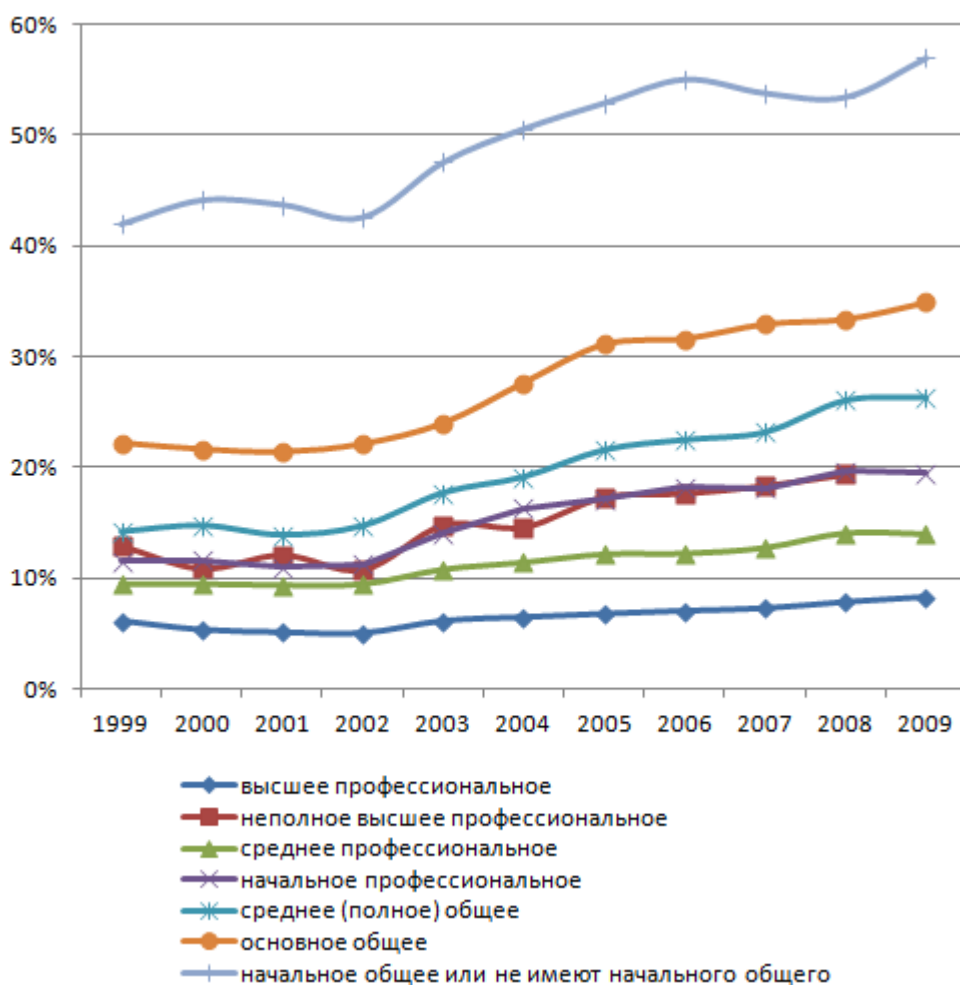

Рисунок 9. Занятость в неформальном секторе на основной работе, Россия, 1999-2009, % от всех занятых в экономике по уровню образования

Анализ образовательной структуры занятых в неформальном секторе свидетельствует о том, что в нем наиболее широко представлены работники со средним общим образованием. Их доля выросла с 27% до примерно трети (рис. 10). Второе место с близкими показателями (около 21-22% в 2009 году) занимают обладатели начального и среднего профессионального образования. Однако если доля выпускников СПО несколько снизилась, то удельный вес обладателей НПО вырос с 8,3% в 1999 году до 21,4% в 2009. По-видимому, это стало результатом двух автономных, но одновременных процессов. Во-первых, массового возврата на рынок труда в «нулевые» годы лиц старших возрастов с невысоким уровнем образования и, во-вторых, отсутствием достаточного числа вакансий и низкими темпами создания рабочих мест в формальном секторе экономики³⁸.

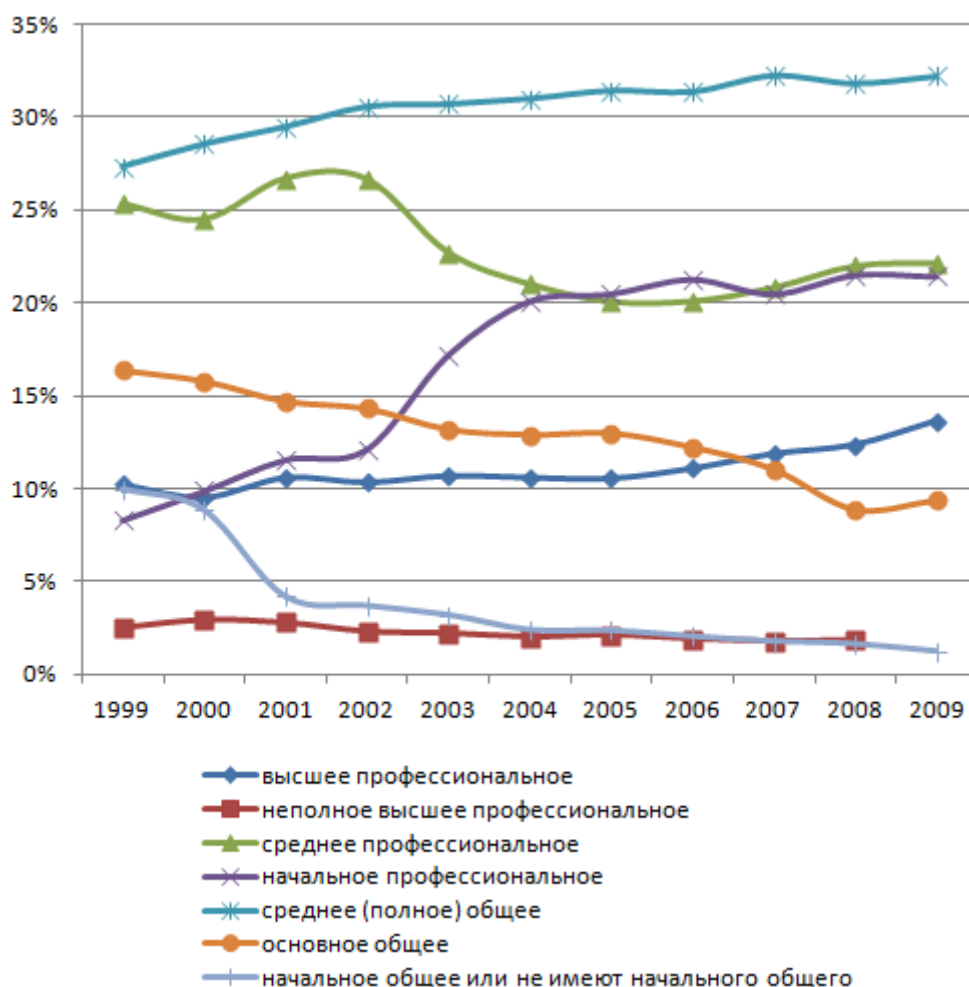

Рисунок 10. Структура занятости в неформальном секторе на основной работе, по уровню образования, Россия, 1999-2009, %

Следующей по вкладу группой являются обладатели высшего образования, которые составляют примерно 14% всех неформалов. Доля этой группы в неформальном секторе хотя и медленно, но неуклонно росла. В 1999 году высшее образование имели 10% неформалов. Этот рост мог быть связан с ускоренной экспансией предложения специалистов из системы высшего профессионального образования, не поддержанной соответствующим ростом спроса на их труд внутри формального сектора³⁹. Наоборот, доли занятых, имеющих основное общее и начальное образование, неуклонно снижались (с 16,4% до 9,4% и с 9,9% до 1,3%), отражая, по-видимому, их постепенное вымывание с рынка труда.

Профессия и сектор занятости. Кем и где «неформалы» работают? Эти два измерения тесно взаимосвязаны, поскольку некоторые профессиональные группы, выделяемые в Общероссийском классификаторе занятий (ОКЗ), жестко привязаны к определенным видам деятельности. Это наглядно проявляется и в нашем случае. Так, максимальная вероятность неформальности у работников сельского хозяйства (профессиональная группа ОКЗ-6), среди которых каждые трое из четырех могут быть классифицированы как неформалы (рис. 11). На втором месте идут профессии группы ОКЗ-5 (Работники сферы обслуживания, торговли и т.п.), среди которых примерно каждый третий – неформал. В группах ОКЗ-1 (руководители) и 7-9 (квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта; операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин и слесари – сборщики; неквалифицированные рабочие) доля неформально занятых в 2009 году составляла примерно 16-18% и удвоилась за последнее десятилетие.

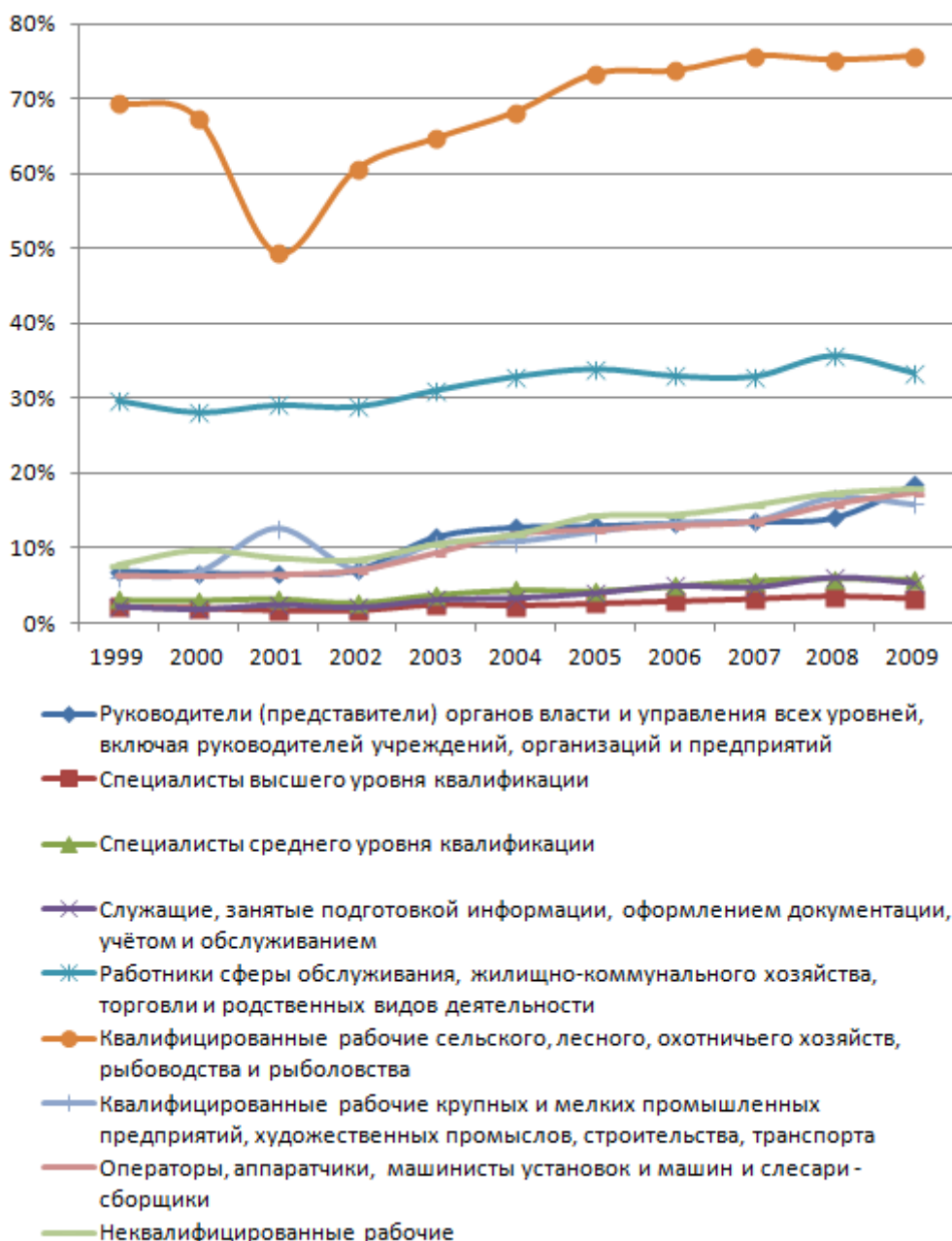

Рисунок 11. Уровни занятости в неформальном секторе на основной работе. Россия, 1999-2009, % от всех занятых в экономике по профессиям

В профессиональной структуре занятости в неформальном секторе работники группы 5 составляют около 30%, группы 6 – около 20% (рис. 12). Еще около 30% приходится на три профессиональные группы рабочих (ОКЗ 7-9). Что же касается отраслевой структуры, то примерно 40% неформалов работают в торговле и бытовом обслуживании, каждый четвертый - в сельском хозяйстве, по 10% приходится на строительство и промышленность.

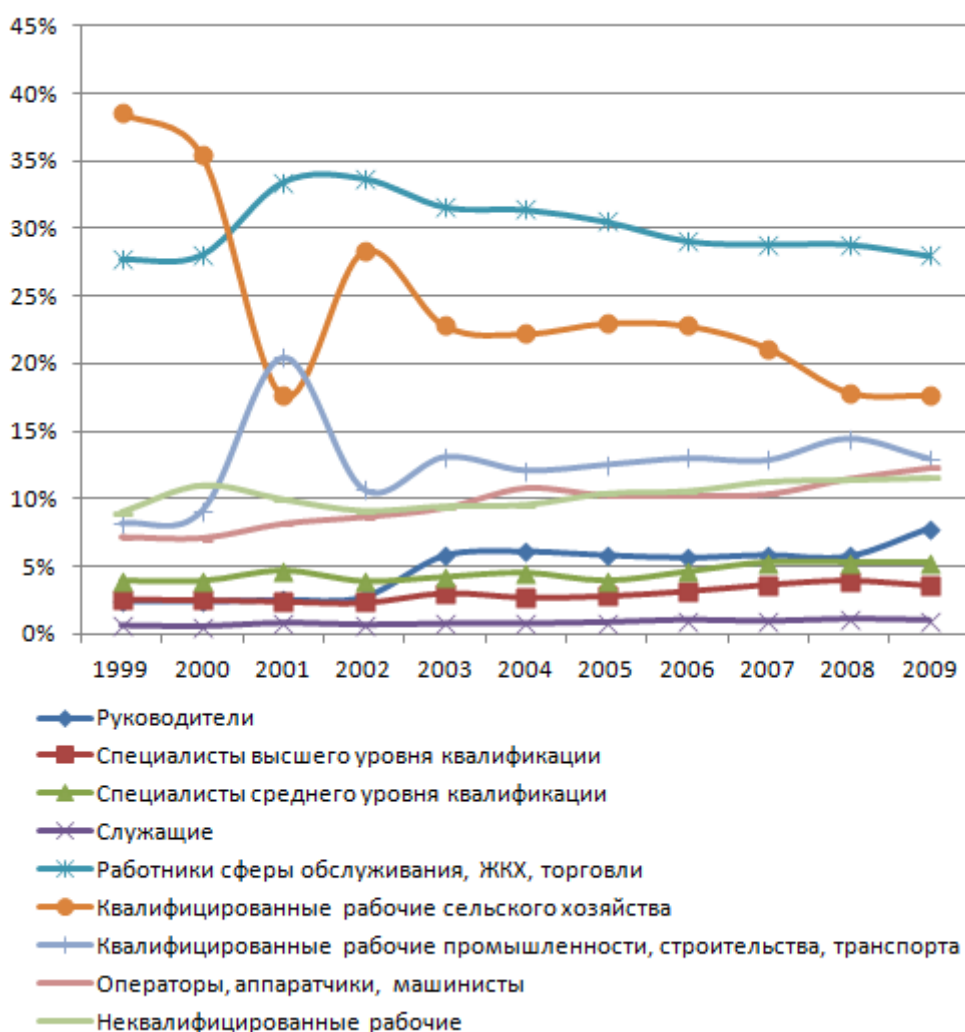

Рисунок 12. Структура занятости в неформальном секторе на основной работе. Россия, 1999-2009, %, по профессиям

Самозанятость и неформальный наём: различие профилей

Получается, что занятые в неформальном секторе наемные работники в среднем моложе и менее образованы, чем самозанятые. В 2008 году почти каждый пятый занятый в возрасте 15-19 лет работал по найму у физических лиц, а самозанятость была максимально распространена среди работников в возрасте 30-49 лет. Средний возраст самозанятых составлял 37-39 лет, в то время как аналогичный показатель среди неформальных наемных работников составлял 34-36 лет (табл. 1). Среди всех занятых по найму у физических лиц или индивидуальных предпринимателей доля лиц с высшим образованием колебалась от 11 до 13%⁴⁰. Среди самозанятых она составляла 22-23%, а среди занятых производством в домашнем хозяйстве – около 5-6%. Об относительной «молодости» занятых по найму по сравнению с самозанятыми и занятыми в формальном секторе говорит и самая низкая доля состоящих в браке среди представителей данной категории. Так, она равнялась 56-60% среди занятых по найму в неформальном секторе, в то время как среди занятых в формальном секторе и самозанятых она составляла 70-75%. Мужчины доминировали в структуре самозанятых (около 60%), и оказались наименее представлены среди занятых производством в домашнем хозяйстве (44-46%).

Таблица 1. Основные характеристики занятых в формальном и неформальном секторах, ОНПЗ, 2000, 2004 и 2008 годов

	Занятые в формальном секторе	Занятые в неформальном секторе		
		по найму	самозанятые (без ДХ)	занятые производством в ДХ
2000				
доля мужчин, %	51,6	50,9	61,7	43,7
средний возраст, лет (СО)	39,2 (11,1)	33,6 (10,4)	36,9 (9,7)	44,6 (18,6)
доля городского населения, %	77,7	82,9	77,1	12,7
доля занятых с высшим (полным и неполным) образованием, %	26,4	11,2	23,1	5,3
Ср. продолжительность факт рабочей недели, час (СО)	38,4 (10,0)	40,9 (14,3)	42,4 (15,5)	27,0 (17,5)
наличие семьи (супруга(и)), %	70,2	55,8	72,4	63,9
2004				
доля мужчин, %	50,6	50,4	59,2	45,7
средний возраст, лет (СО)	39,8 (11,4)	34,8 (10,9)	38,9 (10,1)	44,0 (17,5)
доля городского населения, %	78,9	77,9	74,2	16,4
доля занятых с высшим (полным и неполным) образованием, %	27,7	10,8	21,3	5,4
Ср. продолжительность факт рабочей недели, час (СО.)	38,6 (8,5)	40,6 (11,6)	40,9 (13,7)	22,9 (14,5)
наличие семьи (супруга(и)), %	68,9	57,2	72,9	62,7
2008				
доля мужчин, %	50,5	52,5	60,0	43,8
средний возраст, лет (СО)	40,0 (11,8)	35,6 (11,5)	39,8 (10,5)	44,3 (17,0)
доля городского населения, %	78,3	73,8	70,5	20,3
доля занятых с высшим (полным и неполным) образованием, %	31,7	13,0	22,0	5,8
Ср. продолжительность факт рабочей недели, час (СО)	38,6 (8,6)	40,0 (11,3)	40,7 (12,8)	20,9 (13,0)
наличие семьи (супруга(и)), %	70,1	59,6	74,4	64,6

Анализируя профессиональную принадлежность самозанятых и занятых по найму у физических лиц, можно отметить, что в последней категории чаще оказывались работники сферы обслуживания, торговли и ЖКХ, в этих секторах почти каждый четвертый занят неформально (рис. 11). В то же время около 16% всех руководителей в 2009 году относились к самозанятым, то есть микропредпринимателям-работодателям. Уровень самозанятости также был выше в сфере торговли и обслуживания (хотя он уменьшался на протяжении всего рассматриваемого периода) и у квалифицированных рабочих сельского и лесного хозяйства (в период 1999-2009 он увеличился почти в пять раз, в 2009 году практически каждый десятый представитель данной профессии был самозанятым). Сравнение значений средней продолжительности фактической рабочей недели

показывает, что самозанятые и занятые по найму в неформальном секторе мало отличаются в этом отношении – соответствующее значение в обеих группах составляло около 41-42 часов (табл. 1). При этом в среднем они работают больше занятых в формальном секторе, средняя продолжительность рабочей недели у которых составляет 38-39 часов. Занятые производством в домашнем хозяйстве в 2000 году в среднем работали около 27 часов, в дальнейшем этот показатель снизился до 21 часа в 2008 году, однако данные могут быть занижены из-за сложностей подсчета времени, затраченного на производство и другие виды активностей в домашнем хозяйстве.

Заклучение

Итак, на российской социальной сцене все более активную роль играет скромный «герой», которого ранее считали постоянным субъектом дебатов о судьбах латиноамериканских экономик. Это – простой труженик неформального сектора. Его участие в жизни страны становится всё более видимым и весомым. Он производит товары, строит дома, оказывает разнообразные услуги. При этом он не знает, что такое трудовой кодекс, не знаком с профсоюзами и коллективными договорами, его рабочий день отличается от нормативно провозглашенного, а используемая им технология зачастую примитивна. Но трудно даже себе представить, что станет с повседневным бытом честных налогоплательщиков из формального сектора, если этот герой вдруг исчезнет из нашей жизни!

Удельный вес неформального сектора на российском рынке труда значителен и на протяжении 2000-х годов продолжал увеличиваться, несмотря на бурный экономический рост, охвативший российскую экономику в эти годы. Точнее сказать, благодаря этому росту, поскольку эти два процесса шли параллельно. В итоге, в зависимости от используемой методологии счета, к этому сектору сегодня можно отнести каждого пятого или даже каждого третьего занятого.

Неформальный сектор крайне неоднороден. Занятые в нем по найму – это скорее молодые люди с невысоким уровнем образования, сосредоточенные в торговле, строительстве и бытовых услугах. Самозанятые слабо отличаются по возрасту и образованию от формальных работников, однако имеют выраженную профессионально-отраслевую специализацию, связанную с сельским хозяйством и оказанием определенных услуг. Экспансия неформального сектора в значительной степени обеспечивается количественным ростом группы занятых по найму, представляющих собой наиболее уязвимую категорию занятых в неформальном секторе.

Тенденции деформализации характерны практически для всех регионов страны, её уровень сильно различается. Спрос на труд в регионах, порождаемый экономическим ростом, слабо трансформируется в рабочие места в корпоративном секторе, а реализуется преимущественно в наиболее примитивных, но широко распространенных, формах организации деятельности таких видов деятельности как торговля, строительство, бытовые и личные услуги. Они составляют основу неформального сектора в России и одновременно дают значительный вклад в рост совокупной занятости. С одной стороны, они (торговля, строительство, услуги) относительно менее чувствительны к качеству институциональной среды. С другой, рост доходов населения и укрепление рубля стимулируют спрос на товары и услуги, поощряя расширение этих же видов деятельности.

Что же движет нашим «героем»? Почему он предпочитает место в «тени» месту «на свету»? Поиск аргументированных ответов на эти вопросы должен стать предметом специальных исследований. Отчасти это место вынужденное и многие сюда приходят не от хорошей жизни, а в поисках хоть какого-нибудь дохода. Рост неформальности является, по-видимому, оборотной стороной постепенного сокращения формального сектора, крайне чувствительного к низкому качеству институциональной среды. Наш социальный «герой» живет во многом вне государственного регулирования, а потому отмеченные тенденции вряд ли повернут вспять, пока эта среда радикально не изменится.

- ¹ Данная работа выполнена в рамках проекта «Неформальность на российском рынке труда», финансируемого Программой фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Мы также отмечаем поддержку со стороны Фонда Макартуров (Грант №09-93035-000-GSS от 25 марта 2009). Авторы признательны за замечания и комментарии А.Р. Бессуднову, Р.И. Капелюшникову, С.Ю. Рошину. Полную версию работы см.: Гимпельсон В.Е., Зудина А.А. «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? Препринт WP3/2011/06Серия WP3. Серия: Проблемы рынка труд и Гимпельсон В.Е., Зудина А.А. «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они?// Вопросы экономики, 2011. № 10.
- ² Гимпельсон Владимир Ефимович - Директор ЦеТИ НИУ ВШЭ
- ³ Зудина Анна Алексеевна – аспирант, младший научный сотрудник ЦеТИ НИУ ВШЭ
- ⁴ Hart K. Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana// The Journal of Modern African Studies. 1973. Vo. 11. No. 1. PP. 61-89
- ⁵ Современные международные рекомендации по статистике труда. М.: Статинформ, 1994
- ⁶ Hussmanns R. Defining and measuring informal employment. International Labour Office working paper: Geneva, 2004.
- ⁷ Fields G.S. Labour Market Modeling and the Urban Informal Sector: Theory and Evidence. In David Turnham, Bernard Salomé, and Antoine Schwarz, eds., The Informal Sector Revisited. 1990. (Paris: Development Centre of the Organization for Economic Co-Operation and Development).
- ⁸ Maloney W.F. Informality Revisited// World Development. 2004. Vol. 32, No. 7, pp. 1159–1178.
- ⁹ Причиной отказа от участия в формальном секторе может быть отсутствие доверия к институтам формальной занятости (к примеру, в развивающихся странах). Например, люди могут опасаться того, что пенсии и пособия в будущем не будут выплачены им в оговоренном объеме из-за возможного кризиса финансовой системы или неплатежеспособности государства. Если качество услуг здравоохранения воспринимается как крайне низкое, то возникает вопрос о целесообразности отчисления средств на страхование здоровья. Наличие в домохозяйстве хотя бы одного члена, который находится в сегменте формальной занятости и уже обладает соответствующими привилегиями в виде пенсий, страхования и пособий, также может послужить стимулом к переходу в неформальную занятость для других членов домохозяйства.
- ¹⁰ Это определение также иногда называют «социально-защитным» (social protection definition), поскольку соблюдение законов связано с обеспечением социальной защиты работников [Merrick, 1976; Employment, Incomes and Equality, 1972].
- ¹¹ Saavedra J., Chong A. Structural reform, institutions and earnings: Evidence from the formal and informal sectors in urban Peru. Journal of Development Studies. 1999. 35(4). PP.95-116
- ¹² Kanbur, R. Conceptualising Informality: Regulation and Enforcement. IZA Discussion Paper No. 4186. May 2009
- ¹³ Дополнительная проблема возникает в случае малых предприятий, которые могут иметь упрощенный или облегченный режим регулирования. Но в итоге они не обеспечивают своим работникам «стандартного» (по сравнению с работниками крупных предприятий) уровня социальной защищенности.
- ¹⁴ Portes A., Sassen-Koob S. Making it Underground: Comparative Material on the Informal Sector in Western Market Economies// The American Journal of Sociology. 1987. Vo. 93. No. 1. PP. 30-61; Cox R., Watt P. Globalization, polarization and the informal sector: the case of paid domestic workers in London// Area. 2002. 34.1, PP. 39–47; Edgcomb E.L., Thetford T. The informal economy: making it in rural America. FIELD (Microenterprise Fund for Innovation, Effectiveness, Learning and Dissemination) The Aspen Institute. 2004. URL:<www.fieldus.org>; OECD Employment Outlook. OECD, 2008.
- ¹⁵ Gerxhani K. The Informal Sector in Developed and Less Developed Countries: A Literature Survey// Public Choice. 2004. Vo. 120. No. 3/4 (September). PP. 270-275.
- ¹⁶ OECD Employment Outlook, 2008. См. также материалы конференции “Measuring Informal Employment in Developed Countries”, Harvard University, 31 October-1 November 2008, www.wiego.org (например, <http://www.wiego.org/reports/statistics/nov-2008/Michon.pdf> и <http://www.wiego.org/reports/statistics/nov-2008/Zeytinoglu.pdf>)
- ¹⁷ Earle J. S., Sabirianova Peter K. Complementarity and Custom in Wage Contract Violation// Review of Economics and Statistic. 2009. No 91(4). PP.832-849.
- ¹⁸ Нестандартная занятость в российской экономике/ под. ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И.

Капелюшникова; Гос.ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.

¹⁹ Earle J.S., Sakova Z. Business start-ups or disguised unemployment? Evidence on the character of self-employment from transition economies// Labour Economics. 2000. Vo. 7. PP. 575–601

²⁰ Fields G.S. Labour Market Modeling and the Urban Informal Sector: Theory and Evidence. In David Turnham, Bernard Salomé, and Antoine Schwarz, eds., The Informal Sector Revisited. 1990. (Paris: Development Centre of the Organization for Economic Co-Operation and Development).

²¹ Капелюшников Р.И. Занятость в домашних хозяйствах населения// Нестандартная занятость в российской экономике/ под. ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова; Гос.ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006. Гл. 6.

²² Часть таких предпринимателей может иметь регистрацию в качестве ПБОЮЛа или обладать патентом, а другая часть может избегать любой легализации. Хотя степень неформальности будет разной, с точки зрения производственного определения это не является существенным обстоятельством.

²³ К этому слою относятся и профессионалы-фрилансеры.

²⁴ Bernabe S. Measuring Informal Employment in Transition Countries. Note prepared for the WIEGO meeting on “Measuring Informal Employment in Developed Countries” 31 October-1 November 2008, Harvard University. URL:<<http://www.wiego.org/reports/statistics/nov-2008/Bernabe.pdf>>

²⁵ Lehmann H., Pignatti N. Informal Employment Relationships and Labor Market Segmentation in Transition Economies: Evidence from Ukraine. ESCIRRU Working Paper No. 03, January 2008.

²⁶ Нестандартная занятость в российской экономике/ под. ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова; Гос.ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.

²⁷ Мы не считаем, что «неформальность» исчерпывается лишь рамками неформального сектора.

Она, безусловно, распространена и внутри формального, что схватывается альтернативным «легалистским» определением, но это является темой специального исследования и требует иных данных, нежели те, что используются в данной работе.

²⁸ См. [Методологическое руководство для пользователей базы микроданных обследований населения по проблемам занятости. Росстат. 2002]. Это определение в свою очередь базируется на рекомендациях 15-ой Международной конференции статистиков труда.

²⁹ В приведенной методологии под занятостью в неформальном секторе понимается занятость на **предприятиях** неформального сектора. Таким образом, из рассмотрения исключается неформальная занятость на предприятиях формального сектора – т.е. без оформления договора или контракта.

³⁰ Согласно данным РМЭЗ за 2009 год, на формальных предприятиях около 5% работавших не имели трудового контракта.

³¹ К таким, например, могут относиться работники, которым в нарушение действующих законов задерживают заработную плату, не предоставляют положенный отпуск или, например, выплачивают часть вознаграждения в конверте.

³² Труд и занятость в России, 2009, с. 187

³³ Возможное усиление деформализации в условиях борьбы за формализацию является известным феноменом и описывается, например, в [Portes A. The Informal Economy and Its Paradoxes. In: Smelser, Neil and Richard Swedberg (eds.) The Handbook of Economic sociology. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 426-446].

³⁴ Согласно предварительным оценкам Росстата, в 2010 году среднегодовая численность занятых в организациях составила 46,2 млн человек. Тем самым в некорпоративном секторе оказываются около 22 млн человек или около трети всех занятых.

³⁵ Например, респонденты ОНПЗ отмечают, что они работают «на предприятии, в организации», но не указывают при этом, зарегистрировано ли это предприятие или организация и является ли оно (она) юридическим лицом. Отрицательный ответ на такой (несуществующий в анкете) вопрос позволил бы переклассифицировать часть работников из формальных в неформальных.

³⁶ Эта тенденция продолжилась в 2010 г., когда она снизилась еще на 1,2 млн. чел. (ОНПЗ за 2010).

³⁷ Падение уровня занятости в неформальном секторе среди сельского населения является

статистическим артефактом, связанным с изменением методологии расчета показателя занятости в домашнем хозяйстве.

³⁸ Гимпельсон В.Е. Нужны ли отечественной промышленности квалифицированные работники? История последнего десятилетия. // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 4.

³⁹ Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Карабчук Т.С., Рыжикова З.А., Биляк Т.А. Выбор профессии: чему учились и гдегодились? // Экономический журнал Высшей школы экономики, 2009. Т. 13. № 2. С. 172—217.

⁴⁰ Учитывалось как полное, так и неполное высшее образование.